

М.И. Матюшевская

Могилевский государственный университет им.А.Кулешова

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ В НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Г.П. ФЕДОТОВА

Георгий Петрович Федотов (1886-1951) вошел в анналы мировой культуры как религиозный мыслитель, историк, один из самых известных публицистов русского зарубежья. Он родился в Саратове, в семье мелкого чиновника, который благодаря своим заслугам, честолюбию и работоспособности добился личного дворянства. В гимназические годы Г.П. Федотов проникся социал-демократическими убеждениями. Из-за участия в революционных событиях 1905-1907 годов был вынужден уехать за границу. Там он изучал историю в Берлинском и Йенском университетах Германии. Вернувшись осенью 1908 года в Россию, Г.П. Федотов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

³⁶ ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 265. Л. 68 об. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 658. Л. 8. Д. 698. Л. 76. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 1079. Л. 245, 246.

Во время учебы под влиянием профессора И. М. Гревса Г.П. Федотов увлекся медиевистикой. Он больше не принимал активного участия в политической борьбе. Научная дисциплина, которую он исследовал, привела его к религиозному мировоззрению. На окружающую действительность Г.П. Федотов стал смотреть глазами христианского мыслителя, тяготеющего к церковности, но сохраняющего социалистические идеалы. Это отразилось на всем последующем творчестве ученого. Оно не относилось к религиозной философии и чистому богословию. Для Г.П. Федотова было характерно богословие социальное или даже социологическое.

В 1925 году Г.П. Федотов навсегда покинул Россию и уехал в Париж. Он планировал заниматься наукой, однако жизнь распорядилась иначе. Г.П. Федотов пришел в публицистику и стал печататься в эмигрантских журналах.

С началом немецкой оккупации бороться за идеалы христианства и гуманизма во Франции стало опасно и публично невозможно. В январе 1941 года Г.П. Федотов был вынужден эмигрировать в США. В 1943 году он приступил к работе в русской Свято-Владимирской православной семинарии в Нью-Йорке, где трудился до конца своей жизни.¹

Анализ причин и последствий Второй мировой войны в научно-публицистическом творчестве Г.П. Федотова дан в контексте осмысления причинно-следственных связей исторического процесса, приведших к Первой мировой войне, Октябрьской революции в России и созданию СССР. Основные теоретические выводы, сделанные Г.П. Федотовым, таковы: Первая и Вторая мировые войны представляют собой два акта одной войны, которая не окончилась с поражением гитлеровской Германии в мае 1945 года; основная причина мировых войн XX столетия – духовный кризис европейской цивилизации, ее уход от идеалов христианской культуры в сторону языческой апологии имперского сознания; Россия, победившая фашизм совместно с другими народами СССР, должна сбросить с себя бремя власти большевиков и в своем духовном развитии вернуться к «идее Киева» и русского христианства.

Тематика Второй мировой войны прошла через все научно-публицистическое творчество Г.П. Федотова. Наиболее ярко она представлена в его статьях «Сумерки Отечества» (Париж, 1931 г.), «Новый идол» (Париж, 1935 г.), «Защита России» (Париж, 1936 г.), «Письма о русской культуре» (Париж, 1938 г.), «Новое Отечество» (Нью-Йорк, 1943 г.), «Судьба империй» (Нью-Йорк, 1947 г.).

В статье «Сумерки Отечества», рассуждая об итогах Первой мировой войны, Г.П. Федотов выстраивает следующую логику рассуждений. «...Война нашего времени питается не религиозными идеями и не династическими притязаниями – с этим все согласны; но и не экономическими интересами – марксисты ошибаются или преувеличивают. Война питается по преимуществу национальными страстями. Вне этих страстей противоположные интересы финансовых олигархий (кстати, сталкивающиеся и внутри отдельных стран)

¹ Бойков Ф.В. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г. П. Федотова) // Федотов, Г. П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / сост., вступ. ст., прим. В.Ф.Бойкова. Т.1. – СПб: София, 1991. С.3-14

никогда не могли бы заставить народы с таким ожесточением в течение четырех лет истреблять друг друга... Демогогия, обман – говорят одни. Демагогия и обман сыграли свою отвратительную роль во внутренней политике войны, но не за обман отдали свою жизнь миллионы мучеников и тысячи героев. Они отдали ее за любовь к родине и ненависть к врагу. К сожалению, ненависть немцев и французов друг к другу – не обман, а подлинный факт, отравляющий духовную жизнь Европы уже два поколения. Не обман, взаимное недоверие, подозрение или антипатия между Англией – Францией, Францией – Италией, Италией – Германией, Германией – Польшей, Сербией – Болгарией и т. д., и т. д. Вся Европа, с одного конца до другого, – огромный, полусыпанный золой костер национальной злобы...»²

Федотов отмечает, что отличительной особенностью национальных чувств является сплетенность в них низменных устремлений людей с благородными, возвышенными аффектами. В сознании европейцев XX века такой сплав чувств означал исключительную значимость понятия Отечества, Родины. Оно стало единственной религией, единственным моральным императивом. Величие Родины оправдывает всякий грех, превращает низость в геройство.

Г.П. Федотов обращает внимание на факт сужения национального сознания европейцев в течение XIX века и рост его насильственности: «...Романтики, творцы современного национального сознания когда-то любовно пестовали чужих детей. Кельтский, германский, романский фольклор, универсальный мир средневековья – представляли общий фонд, откуда черпали певцы и культуртрегеры современного национализма. В наши дни подобная широта представляется невозможной...»³

По мнению Г.П. Федотова, появление в Европе XIX века национальных культур представляло собой социальное выражение христианской идеи личности. «...Национальное чувство романтической эпохи было прекрасно и морально глубоко в своей укорененности в почве народной жизни. Оно воскрешало впервые средневековую христианскую культуру и открывало богатую, еще цветущую бытовую и художественную жизнь народа. Национальное чувство той поры было одновременно и народничеством, и культурным откровением, то есть нисхождением и восхождением вместе. С тех пор все изменилось. «Век пара и электричества» безжалостно разрушил своеобразие народной жизни, унифицировал культурный мир. Смерть романтизма, убыль христианского сознания подорвали средневековые традиции... Национализм нашего времени, обеднев духовно, защищает не иделы, а интересы наций, то есть государств, – общие для всех... Национальное сознание становится исключительно рациональным, политическим, экономическим. Вместе с тем оно совпадает, по своему содержанию, с государственным сознанием вообще, то есть утрачивает право на национальное имя...»⁴

Г.П. Федотов сравнивает Европу XX в. с Грецией периода Пелопонесских

² Там же, с. 320-321.

³ Там же, с. 321.

⁴ Там же, с. 323-324.

войн, со средиземноморским миром, ждущим объединителя: Македонию, Рим. Он пишет о том, что в XX веке каждое государство-нация мечтает о гегемонии в более или менее широком круге наций – и, в конечном счете, о мировой гегемонии. Для Г.П. Федотова это означало, что потрясений одной мировой войны для Европы недостаточно. Готовясь к новым войнам, Европа готовится к созданию новой мировой империи.

В 1931 году, на момент написания статьи «Сумерки Отчества», Г.П. Федотов еще не видел «...той силы, которая могла бы реально осуществить притязания нового Рима...»⁵ К середине 1930-х годов ситуация изменилась, и Г.П. Федотов дал новую оценку современного ему национализма.

В статье «Новый идол» Г.П. Федотов пишет: «...Национализм торжествует во всем мире: в демократиях, в фашистских государствах и в псевдокоммунистической псевдореспублике. В демократии национализм консервативен, являясь формой коллективной защиты интересов; в фашизме он агрессивен, борется не столько за интересы, сколько за чистую мощь и принимает форму социальной религии, требующей человеческих жертв...»⁶

Г.П. Федотов не выявляет принципиальных различий между фашистскими государствами и СССР. Он лишь отмечает, что внешняя опасность, угрожающая СССР, развитие сталинского «социализма в одной стране» привели к острой национализации политики и идеологии Советов. «...Вещь неслыханная, невозможная вчера: в СССР «родина» объявлена священным словом. Родина склоняется во всех падежах, комсомольцы учатся патриотизму по классическим прописям: то есть прежде всего национальной гордости. Первая в мире страна, самая свободная, самая мощная, самая передовая! На нее все покушаются – мы дадим отпор. И враги – это уже не мировая буржуазия, а конкретно: Япония, Германия. Нельзя думать, что все это пишется и говорится по заказу. Естественнее предполагать, что власть только открыла шлюзы, долго сдерживавшие поток бурной национальной стихии...»⁷

В процессе национализации СССР Г.П. Федотов различал две стороны. Одна из них – политическая. «...Кровное родство между фашистской группой держав, включая Россию, несравненно сильнее их национальных отличий: последние носят порой чисто символический характер...Посмотрите на воинствующую молодежь всех фашистских (и «коммунистических») народов. За яростью, искажающей человеческие лица, за жестами вызова, ненависти, борьбы – какое содержание заполняет их черепные коробки? Какова картина их нового мира? Не одна ли и та же для всех? Гиганты современной техники, авиация, радио, интернациональный кинематограф, вытеснивший национальный театр, мораль казарменной дисциплины и верности вождям, и маршировка, маршировка без конца... Но что может интернациональнее техники и психологии войны? Современный солдат – это пролетарий военной индустрии...»⁸ Г.П. Федотов

⁵ Там же, с. 326.

⁶ Федотов, Г. П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г. П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 2. – Санкт-Петербург: София, 1991. – С. 53-54.

⁷ Там же, с. 53.

⁸ Там же, с. 53-54.

соглашается с Ф. Ницше: миром движет не борьба за существование, а воля к власти. Она, также как и современный спорт, требует разделения на коллективы. Национализм обезличенной в XX веке европейской цивилизации способствует такому разделению и несет в себе опасность новых войн.

Вторая сторона национализма – культурная. Г. П. Федотов подчеркивает: национальная идея еще не исчерпала себя в русской культуре. «...Мы были бы преступниками, если бы в борьбе с коммунизмом пытались задушить самую идею общения, солидарности, бесклассового общества. Столь же нелепо было бы пытаться истребить идею нации, любовь к России, искание национального призвания...»⁹

Развивая эту мысль в статье «Защита России», Г. П. Федотов пишет: «...Эмигранты всех времен и народов боролись с оружием в руках против своей родины. Почему же теперь для нас, и христиан, революционеров, измена сталинской России ощущается не только как политическая ошибка, но и как моральный грех?... Это чувство я определил бы, за отсутствием другого слова, как чувство хрупкости России...»¹⁰

Эту хрупкость продемонстрировала Первая мировая война: «...Война раскрыла нам глаза. Такой войны еще не было в истории. Впервые не правительства, не армии, а народы стояли друг против друга. Война на истощение, в которой не мужчины даже, матери решают дело, вскрыла страшную слабость России. За гнилой властью, за бедной техникой мы увидели народ, который отказался защищать родину, народ, который сказал себе: «На что мне Россия? Плевать мне на Россию! У меня один враг – мой буржуй, а я и под немцами проживу». Была еще одна страна, подданные которой рассуждали приблизительно таким же образом. Это была древняя монархия Габсбургов: она не существует более...»¹¹

Когда национальное сознание казалось умершим в русском народе, все остальные народы рухнувшей Империи переживали бурный экстаз своего национального рождения. Перед Россией встала угроза расчленения. Западные окраины Российской империи оказались отторгнутыми от нее, и данный процесс был приостановлен только неожиданным пробуждением русского революционного патриотизма. В этой связи Г. П. Федотов делает вывод: «...новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это есть единственный шанс на бытие России. Если он будет убит, если народ откажется защищать Россию Сталина, как он отказался защищать Россию Николая II и Россию демократической республики, то для этого народа, вероятно, нет возможностей исторического существования...»¹²

Применительно к эмигрантским кругам кануна Второй мировой войны этот вывод Г. П. Федотов озвучил так: «...Вот почему... так бессмысленна сейчас политическая арифметика, сложение плюсов и минусов возможных результатов. Там, где одна из возможностей есть смерть России, расчеты смолкают. Кто не с Россией в эти роковые дни, тот совершает – может быть, сам того не осознавая –

⁹ Там же, с. 64.

¹⁰ Там же, с. 122.

¹¹ Там же, с. 123.

¹² Там же, с. 124.

последнее и безвозвратное отречение от нее...»¹³

Рассуждая о русской культуре, Г.П. Федотов постоянно подчеркивает ее многоликость. Он говорит о том, что каждая нация проходит через глубокие кризисы, которые радикально меняют ее лицо. В статье «Письма о русской культуре» в качестве аналогии он приводит Германию: «...Германия романтизма, Германия Бисмарка и Германия Гитлера – кажутся совершенно разными нациями...Столетие от Лессинга до Гегеля в самом деле венчало Германию королевой европейской мысли. За элитой мудрецов и поэтов стоял народ – трудолюбивый, честный, лояльный, добродушный. Двадцать лет (1848–1870), и...романтические мечты молодости сданы в архив. Трезвый, практический, с волевым упорством и методичностью, он строит великую науку, колоссальную индустрию, могущественное государство. Надо всем начинает доминировать «воля к власти». Это путь, который в годы великой войны русская интеллигенция грубовато окрестила: от Канта к Круппу. Четыре года (1914–1918) сверхчеловеческого напряжения, и бисмарковский немец погиб. Его сменил немец Гитлера. Неврастеник, фантазер, разучившийся работать методически и отдавшийся во власть фантастической грезы...»¹⁴

По мысли Г.П.Федотова, пример Германии XIX–XX вв свидетельствует о прочности национального организма, переживающего бурные катастрофы и болезни роста. Однако этот пример говорит также о том, что «...современная культура все более сливает многообразие европейских типов в один – европейский...»¹⁵

Г.П. Федотов убежден: «...Все новейшие революции создают один и тот же психологический тип: военно-спортивный, волевой и антиинтеллектуальный, технически ориентированный, строящий иерархию ценностей на примате власти. Этот тип человека есть последний продукт западной цивилизации, продукт перерождения буржуазного индивидуализма. В нем нет ничего русского, немецкого, итальянского...»¹⁶

Г.П. Федотов заключает: «...Судьба европейских наций еще не решена. Борьба не окончена; силы духовной реакции еще находят себе опору в пробуждении религиозного чувства, в исторической памяти и «регионализме». Воскрешение к жизни стольких малых наций гальванизирует и старые, одряхлевшие. Исход этого драматического процесса не ясен...»¹⁷

Более четкая картина будущего Европы в сознании Г.П. Федотова сложилась после окончания Второй мировой войны. В статье «Новое Отечество», написанной в разгар этой войны, Г.П. Федотов высказал мысль: «...важно выиграть не только войну, но мир. Страшнее всего проиграть мир после всех нечеловеческих усилий и жертв. Проиграть мир после победы значит очутиться опять лицом к лицу с хаосом, как после 1918 года...»¹⁸

В итоговой, написанной в конце жизни Г.П. Федотова статье «Судьба империй» он следующим образом рассуждает о перспективах мирового

¹³ Там же, с. 125.

¹⁴ Там же, с. 168.

¹⁵ Там же, с. 169.

¹⁶ Там же, с. 170.

¹⁷ Там же, с. 170.

¹⁸ Там же, с. 233.

политического развития.

После окончания Первой мировой войны большевизм силой террора собрал бывшую Российскую империю. Отсутствие политической свободы он прикрыл обильными побрякками национальному тщеславию. Но «...национальный романтизм, неизбежно принимавший националистическую окраску, был ему ненавистен. На десятках языков Союза должны были печататься и читаться только полные собрания сочинений Маркса и Ленина. Это было достигнуто, с прибавлением од Сталину. Для этого понадобилось задушить национальные литературы (особенно украинскую и тюркскую) с истреблением значительной части их интеллигенции. С тех пор национальные движения были загнаны в подполье.— Но это значит, что опять, как в царские времена, на окраинах скопляются центробежные силы, готовые взорвать мнимофедеративную Империю...»¹⁹

По итогам Второй мировой войны над руинами Европы возвысились два гиганта, два победителя, вознесенные мировой войной на небыватую высоту — СССР и Америка. «...Борьба между двумя Империями уже ведется методами дипломатии, экономики, пропаганды...»²⁰

Г.П. Федотов выделяет три основных фактора, которые заставляют предполагать будущий рост сепаратизма в СССР и крах советской Империи. Первый фактор — внутривнутриполитический. «...По свидетельству беглецов, «националы» составляют заметный процент населения концлагерей...В бесформенной оппозиционной массе, смешанной с уголовными, выделяются, хотя бы с ярлыком шпионов, только представители малых народов России...»²¹

Второй фактор — кризис системы ценностей в обществе. «...Мы знаем об украинских воинских частях, сражавшихся вместе с немцами, об украинской Церкви, об эмбрионе украинского правительства. Пораженчество, конечно, захватило и Великобританию, но на Украине оно сказалось много ярче...»²²

Третий фактор — внешнеполитический. Г.П. Федотов очень осторожно рассуждает о роли Америки в послевоенном мире. Он пишет о том, что она не мечтает о мировом господстве. В случае создания мировой Империи вариант Pax Atlantica или Pax America представляется ему менее ясным, но более светлым, чем установление мировой власти большевиков. Такая осторожность суждений понятна: статья «Судьба империй» была написана и опубликована в Нью-Йорке в условиях начавшейся в мире холодной войны.

Осознавая ее неизбежность, Г. П. Федотов предполагает: «...Если бы не было никаких сепаратизмов в России, их создали бы искусственно; раздел России все равно был бы предрешен. Фактическое положение сделает возможным произвести его в согласии с волей большинства ее народов, в условиях демократической справедливости. На плечи победителей, ко всем их мировым проблемам ляжет добавочная тяжесть: организация хаоса на территории Восточной Европы...»²³

¹⁹ Там же, с. 323.

²⁰ Там же, с. 310.

²¹ Там же, с. 324.

²² Там же, с. 324.

²³ Там же, с. 325.

По мнению Г.П.Федотова, перспективы новой мировой войны, поражения в ней России и оккупации Восточной Европы «...способны потрясти не одних националистов, но и всякого русского, не совсем потерявшего связь со своим народом и его культурой...Единственный шанс...предотвращения новой войны: это падение большевистской власти в России...»²⁴

В этой связи Г.П. Федотов выражает уверенность: «...Большевизм умрет, как умер национал-фашизм... Ликвидация последней частной Империи станет вопросом международного права и справедливости...»²⁵

Моделируя будущее России, Г.П. Федотов поднимается до осмысления проблемы на глобальном общечеловеческом уровне. Он подчеркивает мысль о том, что «...западная цивилизация тяжело больна; международные столкновения лишь один из симптомов общего недуга...»²⁶

Г.П. Федотов делает вывод: «...вопрос о спасении нашей культуры есть вопрос духа...»²⁷ В российской истории «...имперское сознание питалось не столько интересами государства – тем менее народа, – сколько похотью власти: пафосом неравенства, радостью унижения, насилия над слабыми. Этот языческий комплекс для России XIX века означал кричащее противоречие между политикой государства и заветами ее духовных вождей. Русская литература была совестью мира, а государство пугалом для свободы народов. Потеря Империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик...Не одно поколение понадобится для...возвращения в заглохшую традицию русской культуры, а через нее – и русского христианства...»²⁸